

I

ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОРЫ

DOI: 10.48647/ICCA.2024.63.51.002

Ван Ицюнь

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СБОРНИКАХ РАССКАЗОВ ХАНЬ ДУНА – «ТЬМА» И «ВОЛЧЬИ СЛЕДЫ»¹

Аннотация: Целью данной статьи является изучение уникального повествования о повседневной жизни в прозаических произведениях современного китайского писателя Хань Дуна 韩东 (род. 1961) на примере сборников рассказов, выпущенных в 2023 г., – «Тьма» 幽暗 и «Волчьи следы» 狼踪. Хань Дун использует простой разговорный язык и сознательно избегает фильтрации повседневного опыта изысканным и вычурным литературным языком. У него нет намерения раскрыть тайну, имманентную повседневной жизни, он не прибегает к помощи необычных событий, чтобы разрушить банальность повседневной жизни. Произведения Хань Дуна обладают естественным, элегантным стилем повествования, соответствующим ритму повседневной жизни. По мнению автора настоящего исследования, именно литературное творчество такого рода обращается к самой сути повседневной жизни. Повествование Хань Дуна полностью укладывается и соответствует ритму повседневной жизни, как правило, оно начинается и заканчивается обычным повседневным моментом. Хань Дун спокойно рассказывает о плавных переменах, происходящих в повседневности, выявляя разнообразные оттенки человеческой жизни. Цель литературного творчества Хань Дуна заключается в том, чтобы обратиться к обыденности, позволить естественным

¹ Перевод А.Ю. Блажкиной.

Статья публикуется в составе избранных материалов XXV Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура» (Москва, ИКСа РАН, 5–6 июня 2024 г.).

образом проявляться значимым событиям, тогда читатель сможет увидеть суть повседневной жизни.

Ключевые слова: Хань Дун, современный китайский писатель, повествование о повседневной жизни.

Автор: ВАН Ицюнь 王逸群, доктор филологических наук, заместитель заведующего Центром по изучению современной России, доцент Института международных отношений, Сычуаньский университет (кампус Ванцзян, 24, южный сектор 1, ул. Ихуаньлу, Чэнду, пров. Сычуань, КНР, 610065). E-mail: 770972623@qq.com

Wang Yiqun

Everyday Life in Han Dong's Short Stories Collections Gloominess and Wolf Tracks

Abstract: The purpose of this article is to study the unique narrative of everyday life in the fictions of the contemporary Chinese writer Han Dong 韩东 (born 1961), using as example of the collections of short stories published in 2023 – *Darkness* 幽暗 and *Wolf Tracks* 狼踪. Han Dong uses simple colloquial language and deliberately avoids filtering everyday experience with refined and pretentious literary language. He has no intention of revealing the mystery inherent in everyday life; he does not resort to the help of unusual events to destroy the banality of everyday life. Han Dong's prose works have a natural, elegant storytelling style that matches the rhythm of everyday life. According to the author of this study, it is literary creativity of this kind that addresses the very essence of everyday life. Han Dong's narrative fits perfectly into the rhythm of everyday life, usually beginning and ending with an ordinary everyday moment. Han Dong calmly talks about the smooth changes that occur in everyday life, revealing the various shades of human life. The purpose of Han Dong's literary work is to address the everyday, to allow significant events to appear naturally, then the reader can see the essence of everyday life.

Keywords: Han Dong, contemporary Chinese writer, narration of everyday life.

Author: WANG Yiqun 王逸群, PhD (Literature), Deputy Director of the Russian Studies Center, Associate professor, School of International Studies, Sichuan University (Wangjiang campus, 24, South Section 1, Yihuan Road, Chengdu, Sichuan province, PRC, 610065). E-mail: 770972623@qq.com

Хань Дун – редкий писатель среди китайских поэтов «третьего поколения», его творчество ознаменовало собой открытие нового литературного направления, Хань Дун работал в этой области много лет и добился значительных успехов. В 2023 г. он опубликовал два сборника

рассказов – «Тьма» и «Волчьи следы», основной темой которых является последовательное повествование о повседневной жизни 日常生活叙事. В современных китайских литературных кругах существует немало писателей, изображающих повседневную жизнь обычных людей. Но, в отличие от большинства, произведения Хань Дуна обладают естественным, элегантным стилем повествования, соответствующим ритму повседневной жизни. По моему мнению, литературное творчество такого рода обращается к самой сути повседневной жизни. В данной статье в качестве примеров возьмем сборники рассказов «Тьма» и «Волчий след», чтобы исследовать и показать, каким образом разворачивается повествование о повседневной жизни у Хань Дуна. Каким образом наша литература должна вернуться на сцену жизни и откликнуться на ежедневно повторяющийся жизненный опыт? Было бы интересно послушать ответы Хань Дуна.

При чтении прозаических произведений Хань Дуна первое, что привлекает внимание, – это стиль письма. Он совершенно отличен от «литературизации» языка, распространенного в современной литературе. Последний обычно отражает ярко выраженную писательскую позицию и писательское мастерство, придает особое значение стилистическим эффектам и демонстрирует литературную мощь, такой стиль письма кажется гораздо более «продвинутым», чем повседневная речь. Чтобы не быть голословным, обращусь к началу повести Янь Лянькэ «Годы, месяцы, дни»:

В тот год вечной засухи время буквально было обращено солнцем в пепел. Когда вращаешь дни руками, дни становятся рассыпчатыми, словно раскаленные угли, они обжигают сердце. Нити солнечных лучей постоянно висят над головой. С утра до ночи Сянь Е чувствовал желтый запах от своих волос... Он всегда бранился, выходя из безлюдной деревни, идя по бескрайним горам, он ощущал бесконечную душевную пустоту, щурясь, искоса смотрел на солнце и, когда оно слепило его, уходил прочь. Слепая собака прислушалась к шаркающим и неиссякаемым звукам его шагов и следовала за ним прочь из деревни, словно тень [阎连科 2021: 1].

Перед нами наглядный пример «литературизации». А ниже – начало рассказа Хань Дуна «Супруги из квартиры напротив»:

Это старое здание, построенное несколько десятилетий назад; я был в числе первых, кто заселился сюда. Тогда я был молод и здание тоже было новое, мне было двадцать четыре года. Моему соседу Малышу Цзэну, который жил в квартире напротив, было двадцать шесть–двадцать семь лет. Вероятно, потому что он получил новое жилье, Малыш Цзэн вскоре женился. На двери напротив на красном фоне золотой краской был написан иероглиф «двойное счастье» 囍, муж с женой часто сновали по лестнице вверх-вниз. Держась за руки, они выглядели очень счастливыми и любящими. Между прочим, мы с Малышом Цзэном жили на самом высоком, седьмом этаже, а лифта в доме не было [韩东 2023: 3].

Если сравнить эти два произведения, то видно, что в рассказе Хань Дуна отсутствуют сложные длинные предложения, стилистические приемы, такие как метафоры, олицетворения и синестезии, нет запутанных семантических связей, таких как «желтый запах от своих волос», и абстрактных фраз типа «бесконечная душевная пустота» и «неиссякаемый звук шагов». Хань Дун использует простой разговорный язык, короткие предложения с ясной семантикой. Его формулировки ясны и прозрачны, а сами слова не привлекают внимания читателя. Если воспользоваться метафорой Поля Валери, наш взгляд проходит сквозь них, точно солнечный свет сквозь стекло [萨特 1998: 80]. Напротив, манера повествования Янь Лянькэ интеллектуальна и наполнена сильными эмоциями, рассказывающими о судьбе маленького человека. Повествование Хань Дуна спокойно и непринужденно, словно обычная прогулка.

Данное сравнение проводится только с целью выявить проблему, автор настоящего исследования не ставит перед собой задачу выяснить, кто из двух писателей талантливее. Хайдеггер говорил, что язык – это дом бытия. Когда писатель выбирает свой собственный язык, он также выбирает определенный стиль повествования и экзистенциальный опыт, предписанный языком. Неужели при помощи письменного, элитарного языка можно адекватно передать свежие чувства в повседневной жизни? По всей видимости, именно таким вопросом задается Хань Дун, когда пишет на *байхуа*. С 1980-х годов множество китайских писателей начали сознательно избегать грандиозные повествования и обратились к «частному бытописанию», наполненному индивидуальностью. Темы их прозаических произведений касаются обычных аспектов жизни го-

родских обывателей, калейдоскопа желаний представителей общества потребления или «шепота» и «шушуканья» частной жизни персонажей. Атмосфера в литературном мире изменилась. Однако некоторые писатели описывают индивидуальную жизнь людей, желая отразить социальные особенности и перемены времени, такой подход, по сути, все еще является характерным мышлением традиционного реализма. Другие же писатели более глубоко поглощены светом, тенью и звуками индивидуальной жизни, но в высшей степени рафинированный, утонченный литературный язык часто мешает им дойти до сложных и едва уловимых тонкостей повседневного опыта.

Язык произведений Хань Дуна напоминает стиль письма А.П. Чехова. Как полагал В.В. Набоков, язык рассказов Чехова лишен рафинированности, он простой и естественный. Чехов допускает ошибки, которых может избежать новичок, он не заботится о мелких грамматических неточностях и газетных штампах. «Его Муза всегда одета в будничное платье. Поэтому Чехова хорошо приводить в пример того, что можно быть безупречным художником и без исключительного блеска словесной техники, без исключительной заботы об изящных изгибах предложений» [Набоков 2010: 355–356].

За языком стоит сюжет. А.П. Чехов однажды сказал, что описание подлинного облика повседневной жизни – его единственное писательское убеждение: «Я возьму в качестве сюжета мирную и тихую повседневную жизнь и опишу ее подлинный облик» [契诃夫 2021: 93]. По всей видимости, такие писатели, как А.П. Чехов и Хань Дун, обнаруживают глубокое понимание по данному вопросу: рафинированный литературный язык означает фильтрацию и очищение разноплановых переживаний повседневной жизни, только с помощью повседневного языка мы можем обратиться к самой сути повседневной жизни.

Повседневный язык – это всего лишь вход в повседневную жизнь, так как же писать о повседневной жизни? Представляется, что такая жизнь всегда далека от поэтичности. Она сумбурная, захолустная, полная скромных и тривиальных событий, каждый день в ней происходят одни и те же события, скучные, блеклые и бесцветные, точно вода. Именно по этой причине некоторые писатели, повествуя о повседневной жизни, стремятся устранить ее обыденность. Некоторые ученые отмечают, что Шерлок Холмс прекрасно умел раскрывать тайны в обычном потоке повседневной жизни. Он всегда видел загадку в обычных людях,

одетых в простую одежду и ведущих себя обыкновенно, даже когда это не было связано с раскрытием преступления, но все равно доставляло Холмсу особое удовольствие, а иначе как же можно добавить красок в нашу серую и скучную жизнь? [海默尔 2018: 6–9.] Другой пример – Стефан Цвейг, который имел обыкновение использовать какой-нибудь шокирующий опыт, чтобы взорвать банальную повседневную жизнь, Цвейг отказывался примириться с повседневной жизнью и был упорным в этом стремлении.

Так Хань Дун пишет о повседневной жизни, расслабленно и умиротворенно. Он никогда намеренно не исследует тайну, присущую повседневной жизни, и не пытается посредством трансцендентного сломать жесткость повседневной жизни. Он даже никогда сознательно не создает театральность повседневной жизни и не придает торжественности или особой значимости повседневным чувствам или состояниям, не воспринимает их как литературные сюжеты. Истории в сборниках рассказов «Тьма» и «Волчьи следы» – это по большей части заметки об обыденных, повседневных хлопотах. Например, сопровождение больного члена семьи в больницу («Бокал вина у окна»), эпизод о презентации новой книги писателя («Большая распродажа»), радости и горести воспитания собаки («Дочь Кола»), воспоминания о старом друге во время путешествия («Животные») и т.д. В этих рассказах нет никаких удивительных происшествий, выходящих за рамки повседневной жизни. То, что случается с главным героем, может случиться с нашими друзьями, соседями или с нами самими.

Еще более важно то, что эти рассказы соответствуют ритму повседневной жизни. Как правило, они начинаются и заканчиваются в обычный, повседневный момент. Возьмем, к примеру, рассказ под названием «Когда заяц погиб, лиса горюет», в котором раскрывается история Чжан Дяня, старого друга лирического героя, которого он знает более 30 лет. Этот человек прожил заурядную жизнь, как и подобает обычным людям, но в то же время в его жизни было много необычного, того, что выходит за рамки обыденности. В молодости он был представителем образованной молодежи, соучредителем литературного журнала, работал в компании друга, но бил баклуши и целыми днями дурачился с девушками из парикмахерских. Позже он пошел продавать порнографические DVD, открыл книжный магазин, у него были романы на стороне, втайне от жены завел любовницу, будучи уже в годах, пристрастился к катанию на

роликовых коньках и в конце концов умер от рака. Если говорить о двух упомянутых выше сборниках, то это довольно редкий рассказ, в котором дается ретроспектива всей жизни человека (хотя это лишь поверхностный беглый взгляд). Но для лирического героя это неосознанный взгляд назад, в прошлое. Вначале лирический герой не имеет определенного намерения рассказывать историю Чжан Дяня, а пишет о том, что отправился навестить своего тяжелобольного друга и что эта встреча может быть последней. Случилось так, что с ним пошел друг-художник, который очень заинтересовался лицом Чжан Дяня на пороге смерти и захотел написать с него картину. Поэтому лирическому герою ничего не оставалось, как навестить Чжан Дяня еще раз и рассказать другу-художнику о прошлом Чжан Дяня. Таким образом лирический герой случайно оказался вовлеченным в водоворот повседневности и воскресил в памяти былые воспоминания. В итоге читатель обнаруживает, что восприятие старого друга на самом деле было довольно ограниченным. Чем больше говорит лирический герой, тем более таинственным представляется существование Чжан Дяня, и такое ограниченное представление удручает читателя.

Нет необходимости приводить еще больше примеров. То же самое верно и в отношении других рассказов из сборников «Тьма» и «Волчьи следы»: повествование плавно разворачивается на фоне повседневной жизни. Мы знаем, что хотя некоторые писатели принимают банальную повседневную жизнь, отвергаемую Цвейгом, и рассказывают рядовые истории обычных людей, но они сосредоточивают внимание только на драматических моментах и переживаниях персонажей. Таким образом, повседневная жизнь превращается в переплетение тонких театральных элементов, а ее повседневность растворяется. В рассказах Хань Дуна драматические элементы не являются основополагающими. Его истории появляются из обыденности жизни рядового человека и являются естественными изгибами повседневности. На мой взгляд, это и есть обращение к самой ее сути.

Хань Дун спокойно, терпеливо и неторопливо рассказывает о взлетах и падениях в определенном отрезке этой самой жизни, раскрывая перед читателем разные стороны. Легкая рябь бытия повседневной жизни постоянно изменяется. События не складываются в великоепный масштабный сюжет и не приходят к определенному финалу, а лишь просто возникают в бесконечном рождении некими крохотными водяными во-

ронками, заставляя персонажей теряться в этом водовороте. Возможно, здесь и кроется ответ на вопрос, почему рассказы Хань Дуна так хорошо читаются – они не уступают тем произведениям, которые содержат драматические сюжетные перипетии. Повседневная жизнь под пером Хань Дуна часто наполнена неожиданными событиями, в ней есть интересные персонажи и тонкие детали, но писателю доставляет особое удовольствие показывать небольшие перипетии и водовороты повседневной жизни сами по себе. В этом плане лучший пример – рассказ «Бокал вина у окна». Главный герой Ци Линь – известный поэт, его тесть болен раком. Ци Линь использует свои связи в поэтических кругах, чтобы найти хорошего врача, и так знакомится с доктором Мао, заведующим гастроэнтерологическим отделением. Доктор Мао с радостью помогает Ци Линю составить план лечения старика, а также между делом спрашивает Ци Линя о поэзии. Естественно, Ци Линь проводит много времени с женой, помогая ей ухаживать за тестем и утешая ее. Любую сложную проблему он берет на себя. Хань Дун пишет о таком изнурительном опыте прямо и спокойно, без лишней скорби или раздражения. Герои рассказа справляются с делами с той стойкостью, которую придает им повседневная жизнь, а писатель с состраданием демонстрирует эту стойкость.

При таком повествовании все жизненные проблемы возвращаются к своему истоку, а повседневный ценностный выбор людей обнаруживает свою подлинную сложность. Есть в рассказе такой эпизод:

Именно в этом кабинете доктор Мао показал Ци Линю цветную 3D-реконструкцию раковой опухоли тестя. Каждый орган, включая опухоль, был окрашен в свой цвет, что было очень красиво. Опухоль тестя была желтого цвета, она особенно бросалась в глаза, была огромной, крупнее сердца, печени, кишечника, желудка и всех сопутствующих органов. Синий, зеленый, красный и фиолетовый цвета теснились вокруг большого ярко-желтого пятна. Первой реакцией Ци Линя был не страх, а зависть. Изображение было очень красивым и имело сильное визуальное воздействие. Он сказал доктору Мао, что ни один художник не смог бы такое изобразить, а также заметил, что, если распечатать изображение в большем формате и представить на выставке, это определенно было бы самым авангардным произведением искусства [韩东 2023: 103].

Этот снимок фактически объявляет о смерти пациента. Хотя снимок и принадлежал родственнику Ци Линя, но первая его мысль была о том, что это «очень красиво». Моральна ли такая реакция? Она кажется нерациональной. Но, если поразмыслить, доктор Мао постоянно расспрашивал Ци Линя о поэзии. Эстетическая реакция Ци Линя на фотографии имеет свой собственный контекст. Что еще более важно, Ци Линь день за днем ухаживал за тяжелобольным тестем в больнице, сложная работа наложила отпечаток на душу Ци Линя. Он давно стал воспринимать болезнь тестя как рутину, иначе просто не смог бы ее пережить. Более того, в данном эпизоде болезнь тестя не была для него новостью, он уже долгое время выполнял сыновние обязанности. Что же аморального в такой реакции? Подобные примеры также можно найти в рассказе «Учитель и ученик». Друг Лао Пи, Лао Цзинь был за драку заключен в СИЗО. Лао Пи отправился навестить семью Лао Цзиня. Все строили планы, как вызволить Лао Цзиня из тюрьмы, а потом прекрасно провели время, пили и закусывали, радостно болтали о том о сем. Лао Цзинь в этот момент находился в тюрьме, уместно ли было такое поведение? Об этом спрашивает себя лирический герой Лао Пи. На вопрос ответить несложно: неужели нужно делать скорбное лицо, чтобы не посрамить Лао Цзиня? К тому же во время пандемии не часто выпадает возможность собраться вместе с друзьями.

Будь то моральные убеждения в светской жизни или же нравственные законы, разработанные философами, они обычно фокусируются на универсальной значимости вне языковой среды. Они объединяют разных индивидуумов в однородные нравственные субъекты, побуждая их делать моральный выбор «или-или»: быть честными и не лгать, быть верными своим друзьям и не предавать их, испытывать сыновнюю почтительность по отношению к родителям и не перечить им. Да, конечно, мы знаем, что должны быть честными, и это правда, но иногда перед нами стоит дилемма: быть ли честным перед начальником или же быть честным перед коллегами. Выбор между честностью и сыновней почтительностью также может быть противоречивым. Агнеш Хеллер (1929–2019) писала о том, что в повседневной жизни мы редко учимся абстрактным этическим принципам, например, что такое добро и зло, но узнаём о добрых и злых поступках других людей, исходя из конкретного жизненного контекста.

То есть: «Мы не принимаем „готовых“ моральных концепций, но у нас есть своего рода специальный учебник моральных концепций»

[赫勒 2010: 74]. В этом смысле рассказы Хань Дуна представляют собой «учебник моральных концепций» повседневной жизни. Возвращение повествований в повседневную жизнь означает освобождение индивида от сверхконтекстуального морального субъекта, позволяя моральным действиям вернуться на сцену живых событий и представить их такими, какие они есть. Из этого мы видим, что повседневные моральные действия редко решаются с помощью выбора «или-или», на них влияют какие-то мелкие и неоднородные моральные эмоции, которые выявляют сложные, запутанные и неясные очертания. Для такого рода действий трудно найти «беспристрастного стороннего наблюдателя» или призвать на помощь «суд разума». Они в большей степени требуют сочувственного понимания, нежели снисходительного суждения.

Все вышесказанное помогает нам понять чувство сострадания, которое заключено в рассказах Хань Дуна, – оно напрямую выражается в глубокой симпатии к людям, попадающим в трудные жизненные ситуации. Относиться к другим действительно как к другим, чувствовать и понимать их отличительные особенности – необходимое условие такого рода сопереживания. Бесспорно, повествование Хань Дуна о повседневной жизни дает возможность надлежащим образом чувствовать и понимать других людей. Человеческое бытие – это прежде всего его существование в повседневной жизни, где оно проявляется во всей своей сложности. Исключая контекст повседневной жизни люди кажутся абстрактными. В этом смысле повествования о повседневной жизни в рассказах Хань Дуна сближают людей не только потому, что язык повествования, сюжет и ритм схожи с нашей обычной жизнью, но также и потому, что автор испытывает симпатию по отношению к выбору и действиям, которые совершают его герои.

Иными словами, поскольку повседневная жизнь нудная и заурадная, описывать ее истинный облик действительно непросто. Гу Суй любил поэзию Тао Юаньмина и говорил, что его стихи «могут отразить поэзию в жизни», помогают «радоваться искренним речам родных, веселиться и разгонять тоску под звуки *циня*»: «Люди испытывают такие чувства и не осмеливаются их описывать»; «...когда рядом со мной играет ребенок, то понимаешь, что изучение языка не основано на произношении»; «прочитав, ты задаешься вопросом: а так ли это? Но кто бы мог так написать?» [顾随 2014: 212]. Гу Суй отмечает, что поэзия Тао Юань-

мина исходит из естественности, в ней отражена действительность, она «обыденная и великая, простая и изысканная» [顾随 2014: 211]. Как хорошо сказано! Вновь обратиться к обыденности, позволить естественным образом проявляться значимым событиям, тогда читатель сможет увидеть суть повседневной жизни, – в этом и заключается цель литературного творчества Хань Дуна!

Библиографический список

Набоков В.В. Лекции по русской литературе / пер. с англ. С.А. Антонова, Е.М. Гольшева и др. – СПб.: «Азбука-классика», 2010.

安东·契诃夫: 《契诃夫论文学》/ 汝龙译 [Chekhov A.P. О литературе / Жу Лун (пер.)]. – 北京: 东方出版社, 2021年。

顾随: 《顾随全集》卷五 [Собрание сочинений Гу Суя. Т. 5]. – 石家庄: 河北教育出版社, 2014年。

海默尔: 《日常生活与文化理论导论》/ 王志宏译 [Хаймель К. Введение в повседневную жизнь и теорию культуры / Ван Чжихун (пер.)]. – 北京: 商务印书馆, 2018年。

韩东: 《狼踪》 [Хань Дун. Волчьи следы]. – 南京: 江苏凤凰文艺出版社, 2023年。

赫勒: 《日常生活》/ 衣俊卿译 [Хеллер А. Повседневная жизнь / И Цзюньцин (пер.)]. – 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2010年。

让·保罗·萨特: 《萨特文学论文集》/ 施康强等译 [Жан-Поль Сартр. Что такое литература / Ши Канцянь (пер.)]. – 合肥: 安徽文艺出版社, 1998年。

阎连科: 《年月日》 [Янь Лянькэ. Годы, месяцы, дни]. – 南京: 江苏凤凰文艺出版社, 2021年。

References

安东·契诃夫 (2021). 契诃夫论文学, 汝龙译 [Chekhov A.P. About literature, Ru-long (transl.)]. 北京: 东方出版社. (In Chinese)

顾随 (2014). 顾随全集, 卷五 [Collected Works of Gu Sui. Volume 5]. 石家庄: 河北教育出版社. (In Chinese)

海默尔 (2018). 日常生活与文化理论导论 [Heimer K. Introduction to Everyday Life and Cultural Theory, Wang Zhihong (transl.)]. 北京: 商务印书馆. (In Chinese)

韩东 (2023). 狼踪 [Han Dong. Wolf tracks]. 南京: 江苏凤凰文艺出版社. (In Chinese)

赫勒 (2010). 日常生活, 衣俊卿译 [Heller A. Everyday life, Yi Junqing (transl.)]. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社. (In Chinese)

I. ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОРЫ

Nabokov V.V. (2010). *Lekcii po russkoj literature*, transl. S.A. Antonova, E.M. Golyшева yi dr. [Lectures on Russian literature, transl. by S.A. Antonov, E.M. Golyshchey et al]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian)

让·保罗·萨特 (1998). 萨特文学论文集, 施康强等译 [*Sartre J.-P. Sartre's Literary Essays*, Shi Kangqiang (transl.)]. 合肥: 安徽文艺出版社. (In Chinese)

阎连科 (2021). 年月日 [*Yan Lianke. Years, months, days*]. 南京: 江苏凤凰文艺出版社. (In Chinese)